

По мере приближения к Алтаю чувствуешь, как все больше вовлекаешься в какую-то стройную фабулу, превращаясь в ее персонажа. Следует лишь соответствовать авторскому замыслу.

Двое суток в поезде ты думаешь о вероятных форматах обсуждений шукшинской прозы на запланированных встречах. Прикидываешь, что будешь говорить о любимых рассказах «Алеша Бесконвойный», «Волки». Хотел бы сказать о «Чужих», но об этом уже написал в журнале «Алтай» Василий Авченко. И случись обстоятельные беседы о Шукшине — рассказ-завещание «Чужие» занят. На что-то хочешь обратить внимание в «Привете Сивому», но мысль соскальзывает,

Писатели на красной дорожке фестиваля: Михаил Павлов, Андрей Дмитриев, Игорь Корниенко, Василий Авченко.

Фото Александра Волобуева

опять переключается на «Алешу Бесконвойного»...

Когда ранним утром в Барнауле тебя ведут через вокзальную площадь к уютному автовокзалу, где встречают еще одного гостя, ты уже ритмически организован начальными кадрами фильма «Живет такой парень» — с мелодией Павла Чекалова, с указателем Чуйского тракта, с вывеской «Чайная», с многообещающей дорожной пылью и невозмутимыми горами на заднем плане. Остальных гостей примерно в это же время встречают в аэропорту.

Листая программу и расписание Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае», понимаешь, насколько сложна композиция у этого мероприятия. Как удастся свести концы с концами при таком количестве участников, перемещений, запланированных встреч в разных уголках края? Позже прозаик Михаил Павлов скажет то, о чем ты только вскользь подумал: потрясен безупречной логистикой такого большого фестиваля.

Но прозаика Михаила Павлова пока еще только встречают в аэропорту. А ты пытаешься вспомнить, к чему там нужно вернуться — в шукшинском рассказе «Привет Сивому!» И в этот момент слово «аэропорт» вступает в какой-то контакт с начальными титрами фильма «Живет такой парень», о которых ты думал возле автовокзала. Беспокойство нарастает — ты понимаешь, что это как-то связано с «Приветом Сивому»...

Андрей Дмитриев

родился в 1972 году в г. Доброполье Донецкой области. Стихи печатались в журналах «Новый мир», «Стрелец», «Алтай», альманахах «Дикое Поле», «ДвуРечь», антологиях. Автор книги стихов «Сторожевая элегия» (2004). Член Русского ПЕН-центра Всемирной ассоциации писателей «Международный ПЕН-клуб»

*

На второй день к месту выступления, в «Шишковку», нас с Михаилом Павловым сопровождает девушка Галина. Там-то всего одну площадь перейти, но и это дело — нелегкое. Некоторые гости быстрее найдут путь в Шамбалу, чем в библиотеку. Лицо девушки Галины кажется знакомым. Но на Алтае все кажется уже виденным.

*

Главная «выпуклая радость узнавания» здесь настигает тебя внезапно. Не степные пейзажи и горные виды, не вкусовые ощущения, не шум рек, не запахи трав в первую очередь атакуют ту часть мозга, которая отвечает за прустовские печенья «мадлен» и откликается на *déjà vu*... Хватило нескольких особых модуляций голоса, местных фонетических смещений и нажимов, чтоб тебя шарахнуло и переключило твою память на тридцать-сорок лет назад, на уже слышанные алтайские интонации. «Здравствуйте-э-э» — с нагрузкой на «те», с протяжным «э», технично обрываемым.

Вообще здесь ответственно относятся к языку. Забавно наблюдать за хозяевами, за их насмешливой мимикой в тот момент, когда столичные артисты или режиссеры со сцены то и дело произносят слово «волнительно», «алтайцы».

*

В библиотеке уже не только зрители собрались, но и выступающий в наличии. Пожилой мужчина читает свои стихи — девушка Галина, бросив беглый взгляд на чтеца, моментально исчезает, как при виде маньяка. Аккурат с исчезновением сопровождающей я вспоминаю, где видел ее лицо. В журнале «Алтай». Там был ее (Галины Батюк) рассказ о том, что в библиотеке завелся

восьмидесятилетний маньяк, читающий девушкам стихотворения Серебряного века, а взамен требующий поцелуя.

Но пожилой мужчина, выступающий сейчас перед нашими слушателями, не очень-то похож на восьмидесятилетнего. А тем более — на маньяка. Его попросили завершить выступление — он ушел. Так не бывает.

Я говорю организаторам творческой встречи: «Это вы еще Риссенберга не видели. Не дай вам бог увидеть Риссенберга. Не дай вам бог услышать Риссенберга». Я мысленно добавляю, что организаторы мероприятия — счастливые люди. Потому что к ним на фестивали никогда не являлся Риссенберг: не брал измором редакторов местных журналов, не проникал непрошеным гостем в местные издательства, не вещал со сцены: «Я терпел и вам велел».

Благословенный Алтай — неподходящее место для «актуальной» поэзии. В Москве, пожалуй, найдутся любители на «скольма в подол целуйся да пилюйся»... А в Барнауле нет переводчика для этого волапука. Зато стихотворения неактуального барнаульского поэта ты воспринимаешь как харьковские. Вот, например, Валерий Котеленец, «Интервенция»: «Куда ни глянь — чужие вывески. / Куда ни кинь — чужая речь. / И чуждый дух уже не вывести. / И своего не уберечь. // Всё меньше остается родины. / Всё отчуждённей небеса. / И Русь уходит огородами в свои дремучие леса». Я не раз повторял эти стихи в Харькове.

Ни в «Шишковке», ни в библиотеках Павловска, Бийска, Белокурихи, Сросток так и не удалось писательской делегации увидеть «библиотечного маньяка». Хотя это не означало, что его не существует вовсе.

Настоящий маньяк появляется не оттуда и не там, где его ожидает увидеть читатель Галины Батюк. Настоящий маньяк не придет на выступления писателей,

Зрители у театра драмы. Прямая трансляция торжественного открытия Шукшинского фестиваля.

Фото Александра Волобуева

На встрече с писателями.

**Павел Басинский дарит свою книгу
Елизавете Гундариной за лучший вопрос.**

Фото Александра Волобуева

но непременно напишет (либо даст комментарий в СМИ) о том, чего не видел. Припишет гостям несуществующие биографии.

Настоящий маньяк склонен с пеной у рта рассуждать о том, в чем несведущ. Иногда его называют экспертом. Часто он называет себя литератором. Прозаик Михаил Павлов, как обычно, уже сказал то, что я не успел еще подумать: «Им не Шукшин и русская литература нужны, а место у кормушки и собственные похоти да тщеславия».

*

Запомнилось выступление Николая Николаевича Фаддеенкова в Сростках. Анатолий Кирилин представил его как взрывотехника и винодела. Фаддеенков говорил об агрессивной поверхностности как о главной проблеме новейших времен.

Человек в Сростках, например, взрывотехник и винодел, что-то знает о нас еще до того, как это происходит с нами.

*

Сростки — не только шукшинское послесмертие. Это вообще какая-то пробная модель рая для литераторов, где над селом звучит мелодия Павла Чекалова из «Калины красной» (а кадры с музыкальным проходом Егора Прокудина ритмически организованы еще круче, чем у Германа маршевый проход героев «Лапшина»); где под деревом беседуют прозаики Михаил Павлов и Михаил Тарковский, а в пяти метрах от них общаются спаниели Стефа и Флора, а поодаль черной дворняжке постоянно чем-то наполняют мисочку... И лира — самый распространенный элемент наличников в Сростках.

*

Много говорилось о месте силы, об энергетике Пикета, о приятной атмосфере фестиваля. Шукшинские дни, помимо прочего, — еще и иллюстрация композиционной слаженности, когда все концы с концами сходятся.

В Никольском, во время открытия мемориальной доски на доме, где Астафьев писал роман «Прокляты и убиты», Павел Басинский говорил: «Как страна ни

велика, но именно писатели почему-то делают ее, с одной стороны, тесной, с другой — уютной. Мы приехали к Шукшину, а оказались в гостях у Астафьева, и говорим о Распутине, вспоминаем Белова, жителя Вологды, и Курбатова, с которым мы близко знакомы и дружим, — это Псков... И вся Россия вот так вот на этой полянке встретила».

*

В Барнауле так и не удалось услышать местных поэтов (несколько из них я знал по публикациям еще до поездки). То ли отдельный их вечер не предполагался в программе фестиваля, то ли был запланирован параллельно с выступлениями гостей. Но в поезде у меня была возможность двое суток читать подаренные книги и журналы.

Константин Гришин в журнале «Алтай»: «Здесь продается вдохновенье, / и сетка-рабица, и лён. / И слышит ангельское пенье / Индустриальный твой район».

«Книга ветра» Елены Безруковой неуловимо отсылает к Юрию Кузнецову. Дело не только в кузнецовском «Ты женщина — а это ветер вольности...» Дело в том, с какой непреклонностью лирическая героиня «Книги ветра» предпочитает быту — вглядывание в бездны бытия, общение со стихиями. «Ты слышишь их бег в своём теле. / Ты знаешь какой-то запрет, / Чтоб кони прорваться успели / На белый, мерцающий свет... // Проснуться б, разбить о ресницы! / Да их ворожба не даёт. / Их пенная шкура дымится, / И гневные ноздри вот-вот...» Но вместе со всем этим — и такой вот тревожный, пронзительный мотив: «Небеса полны грохота, / Помыслы полны войн. / Проведи меня, крохотка, / В милосердный мир твой». Незащищенность ребенка — перед всем тем, во что вглядывается лирическая героиня. Здесь резиночка от детской варежки — это «мой грязно-белый стропик парашютный».

*

Лишь на обратном пути, практически совпадающем с маршрутом героев «Печек-лавочек» из Сросток в Крым, вспомнилось, каким образом слово «аэропорт» и титры фильма «Живет такой парень» отсылают к рассказу «Привет Сивому!»

Набросок в рабочих тетрадах Шукшина: «Очкарика, умного русского человека избил “современный” горилла». Но что из этого замысла сделал автор, как известно, вечно шифрующийся?

У героя, «сосредоточенного очкарика» Мишеля, фамилия Егоров. А ближе к концу рассказа ты ловишь себя на мысли, что, когда «умный русский человек» подзуживает и выводит из себя «гориллу» Сержа, он ведь говорит с интонациями Егора Прокудина... Вспомни те эпизоды, где герой «Калины красной» откровенно дурачится при первом разговоре с родителями Любы, при знакомстве с ее братом, при общении с женщиной-следователем.

Серж рассказывает Кэт о какой-то приятной поездке в привычной компании, о появлении Сивого. А Егоров вставляет свои пять копеек тем самым голосом, которым Шукшин-Прокудин спрашивал у отца Любы: «Колчаку не служил в молодые годы?»

«— Сивый один был? — спросил кандидат. На него удивленно посмотрели.

— Сивый был один, — сказал Серж, несколько озадаченный.

— Что это он? — удивился кандидат Мишель. — Сдурел, что ли, один ездит. (В этой реплике мы уже не очкарика слышим, а нотки Прокудина, например, в банном эпизоде с Петром: «— А я еще удивился, — растерянно говорил Егор, — как же, думаю, он терпит? Вода-то ведь горячая. Ну, думаю, закаленный, наверно. Наверно, думаю, кожа, как у быка, толстая».)

— Вы знаете Сивого? — заинтересовался Серж.

— Ну, мерин такой... сероватый, срыжа. (Здесь мы еще отчетливой улавливаем интонации актера Шукшина.)

— Не надо хамить, Мишель, — медленно, без всякой, впрочем, тревоги, сказала Кэт». («— Гражданин!.. Вы не хамите тут», — говорит Егору Прокудину девушка на почте.)

Тревожиться Кэт действительно не о чем. Тревожиться должен читатель, которому Шукшин этим узнаваемым голосом, раздражающим городских собеседниц — кассиршу в «Калине красной» и Кэт в «Привете Сивому!», — возможно, пытается донести зашифрованное послание.

Мы по-прежнему воспринимаем это как диалог очкарика с более удачливым соперником, «современным» гориллой. Но что-то заставляет нас вернуться к началу рассказа, повторить прочитанное — теперь уже не голосом очкарика Мишеля, а голосом Шукшина. «...изредка начинал говорить, что не вся же литература — “Аэропорт”. Кэт тихо, медленно смеялась». Слово «аэропорт» еще дважды прозвучит в этом абзаце: «Мы потом славно

все наладим: она неглупа, она поймет, что не вся литература — “Аэропорт”, да даже дело не в том: лист “Аэропорт”, но пусть рядом будут реальные измерения вещей: например, прожит день, оглянулся — что-то сделано, такой сокровенный праздник души, не зная хоть иногда такого праздника — величайшая бедность».

С чего бы это Шукшину трижды кряду упоминать роман Хейли, переведенный на русский в 1971-м году? Ну была такая литературная мода, коробившая «умного русского человека»... Не для того ли, чтоб до нас дошло — речь не о литературной моде, массовой литературе и круге чтения Кэт, а о законодателях отечественной литературной моды, обитающих у метро «Аэропорт». Голосом Шукшина нам трижды повторяется его завещание: «Не вся же литература — “Аэропорт”».

Вот почему «рифмовались» у меня «аэропорт» и титры фильма «Живет такой парень» в привязке к рассказу «Привет Сивому!». «Журналистка — Б. Ахмадулина» в титрах фильма подсказывает вероятный вариант расшифровки рассказа.

«Были Алка с Владиком, Радик...» — сообщает Серж. Причем в этом его разговоре с Кэт в течение нескольких секунд Радик упомянут четырежды. С такой настойчивостью упомянут, что уже ждешь разговоров о Дээике, о ЦДЛ. Вот-вот — и где-то уже на подходе весь этот джаз, весь этот шестидесятилетний «джентльменский набор». Не случилось? Ну так Сивый с ящиком шампанского вам компенсирует это.

А таинственный Сивый, которому очкарик (голосом Шукшина) передает привет, не автор ли «Тьмы в конце тоннеля», где Шурпина можно вышвырнуть из автомобиля, отказать от дома, якобы за антисемитскую фразу? Мемуары Нагибина опубликованы в 90-е годы. Но «Шурпин» двумя десятилетиями раньше «намекнул» на «сивого мерина». Тем же голосом, что и Иван в «Печках-лавочках» объяснял, почему кобылу звали Селедка («худая, как селедка»), Шукшин словно бы предостерегает читателя нагибинской версии: врет, как сивый мерин. Публикация мемуара Нагибина активировала именно такое прочтение рассказа «Привет Сивому!» с шукшинской миной замедленного действия.

Нагибин жил в доме у метро «Аэропорт». Он давал Шукшину одну из рекомендаций в Союз писателей.

Добавим сюда и такое обстоятельство: Мишель зовет Кэт в отпуск в Сибирь, на Алтай. «Найн, — нарочно сердила его Кэт чужими словами и смеялась. — Но-о, Мишель». Ничего не напоминает? Кого звал Шукшин на Алтай — сняться в эпизоде его фильма «Живет такой парень»? Б. Ахмадулину. Как известно, она отказалась туда ехать, пришлось в Москве снимать ее в роли журналистки.

«Не вся же литература — “Аэропорт”», — говорит «умный русский человек» смеющейся Кэт. Не той ли самой Гелле (Белле), с которой лихо разделался автор «Тьмы в конце тоннеля»? Ну и чтоб дважды не вставать: бугай Серж в цветастой рубашке — вполне ведь представляет за ту среду, где культивировалась «к предательству таинственная страсть». А возможно, он же и написал мемуарную прозу «Таинственная страсть», где лихо разделался с Нэллой (Беллой).

Они вообще, все эти мерины и бугаи, были крутые мужики по части свести счесть с бывшей женой, вывалить скандальные подробности из жизни Геллы—Нэллы—Беллы. И только Шукшин, которого мерин (в своих мемуарах) выбрасывал из машины; Шукшин, чьего героя (в рассказе) бугай выбрасывал из квартиры, — хранит молчание «на заданную тему». Чтoб не потрафить вкусам и нормам среды, из которой тоже был выброшен. ■